

ЕКАТЕРИНА
МОРАВИНЦЕВА

A romantic and mysterious illustration for a book cover. A woman with long, wavy blonde hair, wearing a red jumpsuit, sits on the edge of a bed in a dimly lit room. She is looking out a large window at a man with long, dark hair that transitions into red. He is wearing a dark, ornate coat and is pressed against the glass, his hands splayed against it. The window is covered in rain, and the scene outside is dark and rainy. The room has dark wood paneling, a bedside lamp, and a bed with a grey blanket. The overall mood is romantic and supernatural.

Любовь
сильнее смерти

Екатерина Мордвинцева

Любовь сильнее смерти

<https://litres.ru/74211544>

Аннотация

Она — художница из Екатеринбурга, разочарованная в любви и прячущаяся от мира в своей квартире. Он — воин из другого мира, погибший в сражении и застрявший между реальностями. Когда Фредерик появляется в комнате Лизы, она думает, что сходит с ума. Но как объяснить иначе предметы, которые двигаются сами собой, и шёпот в темноте?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1

Лиза оторвала кисть от холста и замерла.

Что-то было не так.

Она всмотрелась в рисунок — точнее, в то, что от него осталось после сегодняшней бесплодной пятичасовой попытки. Девушка на качелях. Заказ для обложки любовного романа. Простая, в общем-то, задача: лёгкое платье, развевающиеся волосы, закатное солнце. Идиллия.

Но вместо идиллии на холсте красовалась мёртвая, замурованная конструкция. Лицо девушки напоминало маску — правильные черты, но ни намёка на жизнь. Волосы висели паклей. Качели выглядели так, будто их сварганили из ржавых труб вчера на помойке.

— Дрянь, — сказала Лиза вслух.

В пустой квартире её голос прозвучал глухо и сиротливо. Она отложила кисть, потёрла ладонями лицо и откинулась на спинку стула. Стул жалобно скрипнул — старый, ещё с бабушкиной дачи, обитый потёртым вельветом. Лиза любила этот скрип. Он был живым. В отличие от всего остального в этой комнате.

Было одиннадцать вечера. За окном — спальный район на окраине Екатеринбурга, девятый этаж панельной девятиэтажки, бесконечные огни окон напротив, как сотни глаз, равнодушно наблюдающих за чужой жизнью. Лиза жи-

ла здесь уже три года — с тех пор, как переехала из общежития художественного училища. Тогда ей казалось, что своя квартира — это вершина свободы. Теперь она знала: своя квартира — это просто квадратные метры, которые ты наполняешь либо жизнью, либо тишиной.

Она выбрала тишину.

Лиза поднялась и побрела на кухню, по дороге машинально поправив криво висящий постер с Ван Гогом. «Звёздная ночь» — смешно. За её окном никаких звёзд не было видно уже месяц. Сплошная оранжевая муть от городских фонарей.

На кухне она включила чайник и уставилась в тёмное стекло, за которым угадывались очертания соседнего дома. В отражении — девушка двадцати четырёх лет, худая, бледная, с тёмными кругами под глазами, стянутые в небрежный пучок русые волосы, старая футболка с принтом «AC/DC», которая помнила ещё её восемнадцатилетие, и безнадёжно растянутые спортивные штаны.

— Красавица, — хмыкнула Лиза своему отражению. — Мечта поэта.

Чайник закипел. Она заварила зелёный чай — просто потому, что чёрный закончился ещё три дня назад, а в магазин она так и не вышла. Магазин был в соседнем доме, пять минут туда, пять обратно. Но эти десять минут каждый раз казались ей подвигом, на который нужно собирать волю в кулак.

Последний раз она выходила на улицу... когда? Лиза задумалась, прихлёбывая обжигающий чай. В среду? Или во вторник? Сегодня суббота. Чёрт.

Она вернулась в комнату, которая служила ей одновременно спальней, гостиной и мастерской. Восемнадцать квадратных метров, заставленных мольбертами, коробками с красками, стопками книг и ноутбуком на журнальном столике. Диван-книжка, который она так и не научилась раскладывать обратно без лишней возни. Комод, где в верхнем ящике до сих пор валялась его футболка.

Сергей.

Лиза поморщилась и заставила себя не думать о нём. Но мысли — те ещё сволочи, лезут именно тогда, когда их меньше всего ждёшь.

Шесть месяцев назад она пришла сюда с сумкой продуктов, предвкушая спокойный вечер за сериалом, и застала его на этом самом диване. С той блондинкой из «ВКонтакте», с которой он клялся, что просто общается по работе. Классика. Ад Данте, круг первый — измена с фотографом, которую он якобы «консультировал по выдержке».

Лиза тогда не устроила скандала. Не швырнула сумку с продуктами (хотя помидоры очень просились в полёт). Она просто постояла в дверях, глядя, как они судорожно дёргаются, прикрываясь пледом, развернулась и ушла.

Две недели она жила у подруги Насти. Потом вернулась — Сергей уже съехал, забрав свои вещи и оставив только

запах своего парфюма, который выветривался ещё месяц, и ту самую футболку, забытую в стиральной машине.

Лиза не выбросила её. Не сожгла. Не отправила по почте с требованием забрать. Она просто оставила её в ящике. Как напоминание. Как прививку. Чтобы в следующий раз не была такой дурой.

В следующий раз. Смешно. После Сергея следующих разов не было. Вообще. Мужчины перестали для неё существовать как категория. Она ходила в магазин, платила за коммуналку, общалась с заказчиками по почте — и всё. Её социальный круг сузился до курьеров, которые привозили ей краски, и до Насти, которая названивала раз в два дня с одним и тем же вопросом: «Ты уже трахнула кого-нибудь, чтобы забыть этого козла?»

Ответ всегда был отрицательным.

Лиза допила чай, поставила кружку на подоконник и снова уставилась на холст. Девушка на качелях смотрела на неё пустыми глазами. Заказ надо было сдать через три дня. Заказчик — приличное московское издательство — платил хорошо, но требовал качество. Если она провалит дедлайн, её могут больше не позвать. А других источников дохода у неё не было.

— Твою ж дивизию, — выдохнула Лиза и села обратно за мольберт.

Она смешала на палитре охру с белилами — попыталась поймать тот самый закатный свет, который так нужен был

для настроения. Но краски ложились грязно. Рука не слушалась. В голове было пусто, как в её холодильнике, где уже вторую неделю сиротливо лежал плавленый сырок и початая банка оливок.

Вдохновение ушло от Лизы одновременно с Сергеем. Или чуть раньше. Она не могла точно определить момент, когда рисовать перестало приносить радость. Раньше она могла забыть про сон и еду, увлечённая новой работой. Раньше её руки зудели, когда она видела красивый закат или интересное лицо в метро. Раньше...

Стоп. Хватит ныть.

Лиза потрянула головой, макнула кисть в воду и решительно замазала лицо девушки на качелях. Пусть будет новый слой. Новая попытка. Она зажмурилась, представляя, какой должна быть эта иллюстрация: свет, воздух, лёгкость, обещание любви.

Открыла глаза. И замерла.

В углу комнаты, возле шкафа, что-то шевельнулось.

Лиза резко обернулась. Сердце глухо стукнуло и забилось где-то в горле. Там никого не было. Шкаф как шкаф — старый, советский, полированный, с резными вензелями на дверцах, доставшийся от бабушки. На шкафу — коробки с книгами и старый чемодан. Всё на месте.

Тень.

Ей показалось, или там действительно мелькнула какая-то тень?

Лиза всмотрелась в угол. Ничего. Только пыльные отпечатки её собственных пальцев на полировке — она давно не протирала там.

— Нервы, — сказала она вслух. Голос дрогнул. — Совсем кукушка поехала.

Она перевела взгляд на окно. Шторы были задёрнуты неплотно, и в щель падал свет от фонаря. Может, просто тень от проезжающей машины? Но машины там, внизу, проезжали редко — двор спального района, детская площадка, три скамейки с вечно пьющими бабушками (летом) и пустота (зимой).

Лиза тряхнула головой и заставила себя вернуться к работе. Кисть снова легла на холст. Она смешала ещё красок — добавила в охра каплю алого, потом ещё немного умбры. Закатный свет должен быть тёплым, почти осязаемым. Таким, чтобы читательница, открывшая книгу, сразу почувствовала этот вечер, это обещание счастья.

Девушка на качелях обретала новое лицо. Лиза рисовала её, а думала о себе. О том, что она тоже когда-то верила в качели, закаты и долго и счастливо. О том, как легко это оказалось разрушить. Одним вечером. Одним дурацким сообщением, которое она случайно увидела в его телефоне.

Сергей был не первым. До него был Костя — в училище, красивый, талантливый, который увёл у неё дипломную работу и выдал за свою. До Кости — Антон, школьная любовь, который уехал в Москву и забыл написать хотя бы «как де-

ла».

Мужчины в жизни Лизы были как на подбор — красивые, яркие и абсолютно ненадёжные. Как фейерверки: шумно, красиво, и через минуту только пепел и запах гари.

— Я притягиваю не тех, — прошептала Лиза, смешивая на палитре цвет для неба. — Или дело во мне?

Телефон на столике тренькнул. Лиза покосилась на экран — Настя. Сбросила. Не до разговоров сейчас. Через минуту пришло сообщение:

«Ты опять не жрешь и рисуешь? Я завтра приеду с шаурмой. Жди».

Лиза улыбнулась. Настя была единственным человеком, который не бросил её после истории с Сергеем. Не говорил «я же тебя предупреждала» (хотя предупреждала). Не пыталась срочно сосватать за своего двоюродного брата. Просто была рядом. Привозила еду. Тащила в кино. Заставляла дышать.

Написать в ответ «не надо» или «я занята» было бесполезно. Настя всё равно приедет. С шаурмой. И с расспросами. И с планами на твою жизнь, которые ты не утверждала, но которые всё равно придётся выполнять, потому что спорить с Настей — как пытаться остановить поезд голыми руками.

Лиза отложила телефон и снова взялась за кисть. Краски ложились лучше. Девушка на качелях начала обретать черты — не её, Лизы, а какой-то другой, счастливой версии. Светловолосой, румяной, с лёгкой улыбкой и взглядом, устрем-

лённым вдаль, где её ждёт Он.

— Счастливая, — вздохнула Лиза.

Она рисовала и не заметила, как пролетел ещё час. В комнате стало совсем темно — она выключила верхний свет, оставив только лампу на мольберте, жёлтую, старую, с длинным гибким «носом», который можно было повернуть куда угодно. Лампа отбрасывала причудливые тени на стены.

В какой-то момент Лизе снова показалось, что в углу что-то есть.

Она резко обернулась.

Ничего.

Только тени от лампы играют на полировке шкафа. Только складки шторы колышутся от сквозняка — форточка на кухне приоткрыта. Только собственное дыхание, слишком громкое в этой мёртвой тишине.

— Хватит, — приказала себе Лиза. — Ты себя накручиваешь.

Она встала, размяла затёкшую шею, прошлась по комнате. Подошла к окну, отдернула штору. За окном — всё тот же вид. Соседний дом, горящие окна, тени людей за шторами. Кто-то смотрит телевизор. Кто-то ругается. Кто-то занимается любовью. Жизнь идёт. А она здесь, в своей раковине, варится в собственном соку.

Лиза прижалась лбом к холодному стеклу. Странное чувство — будто она не живёт, а существует. Будто всё, что с ней происходит, происходит не с ней, а с кем-то другим, а она

просто наблюдает со стороны. Даже рисование — её страсть, её профессия, её воздух — превратилось в механический процесс. Заказчик просит — она делает. Деньги каплют — она платит за квартиру. Круг замкнулся.

— Надо брать отпуск, — сказала она стеклу. — Надо ехать к морю. Надо... надо что-то менять.

Но она знала, что ничего менять не будет. Слишком страшно. Слишком много сил. Лучше сидеть здесь, в своей тишине, и делать вид, что так и надо. Что творческий кризис — это нормально. Что одиночество — это выбор свободного человека. Что всё хорошо.

Всё хорошо.

Всё.

Хорошо.

Лиза вернулась к мольберту. Взяла кисть. Посмотрела на девушку на качелях. Та смотрела на неё пустыми глазами, и в этих глазах Лизе почудился упрёк.

— Не смотри так, — сказала она холсту. — Я стараюсь.

Голос сорвался. В горле встал ком. Лиза шмыгнула носом и зло вытерла глаза тыльной стороной ладони — только слёз не хватало для полного счастья. Плакать из-за того, что не получается картинка? Смешно. Жалко. По-детски.

Но слёзы всё равно наворачивались. Не из-за картинки. Из-за всего сразу. Из-за Сергея, который не позвонил ни разу за полгода. Из-за того, что ей двадцать четыре, а она никому не нужна. Из-за того, что у подруг уже мужья и дети, а у

неё — холсты и долги за коммуналку. Из-за того, что утром придётся вставать и снова делать вид, что всё нормально.

— Ненавижу, — прошептала Лиза. — Ненавижу всё это.

Она опустилась на стул, уронила голову на руки и замерла. Тишина в комнате стала совсем плотной, почти осязаемой. Слышно было, как тикают настенные часы — дешёвка из «Икеи», которую она купила в первый месяц въезда. Тик-так. Тик-так. Время уходит. Жизнь проходит. А она сидит здесь, в темноте, и разговаривает сама с собой.

И вдруг — движение.

Лиза подняла голову так резко, что хрустнула шея.

В углу, возле шкафа, определённо что-то было.

Не тень. Не игра света. Нечто более плотное, более... присутствующее.

Лиза впилась взглядом в темноту. Сердце колотилось где-то в ушах. Она не могла разглядеть деталей, но отчётливо чувствовала — там кто-то есть. Кто-то смотрит на неё.

Секунда. Две. Три.

Ничего.

Лиза судорожно сглотнула и потянулась к лампе, чтобы повернуть её в сторону угла. Но стоило ей шевельнуться, как ощущение присутствия исчезло. Будто его и не было. Только пустота. Только тишина. Только её собственное испуганное дыхание.

— Привидится же, — выдохнула она.

Голос прозвучал сипло, с хрипотцой. Лиза откашлялась.

Встала, на ватных ногах подошла к углу. Пощупала воздух рукой — ничего. Обшарила взглядом шкаф, пол, плинтус. Ничего. Обычный угол обычной квартиры, где за двадцать три года (именно столько она здесь прожила) никогда ничего не водилось.

— Усталость, — сказала Лиза вслух. Громко, чтобы убедить себя. — Хронический недосып. И нервы. Надо спать.

Она посмотрела на часы — половина первого ночи. Завтра воскресенье, можно выспаться. Но работа... Лиза глянула на холст. Девушка на качелях смотрела на неё с неммым вопросом.

— Завтра, — пообещала ей Лиза. — Утром всё доделаю.

Она закрыла банку с водой, сполоснула кисти, накрыла палитру плёнкой, чтобы краски не засохли к утру. Выключила лампу. В комнате стало совсем темно — только слабый свет от фонаря пробивался сквозь щель в шторах.

Лиза забралась на диван, натянула плед до подбородка и улеглась в потолок. Спать не хотелось. Перед глазами стояла та тень в углу. Или не тень? Она попыталась убедить себя, что это просто игра воображения. Что художники — люди впечатлительные. Что после шести часов за мольбертом и без обеда у кого угодно поехала бы крыша.

Но где-то глубоко внутри, в том месте, которое не обманешь логикой, она знала: в комнате кто-то был.

Или всё ещё есть.

Лиза зажмурилась и приказала себе спать. Сосчитать до

ста. Дышать ровно. Не думать.

Тишина давила на уши. Даже часы, казалось, тикали громче обычного. Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Лиза уже проваливалась в сон, когда почувствовала лёгкое движение воздуха. Сквозняк? Но форточка на кухне закрыта, она точно помнила, как закрывала перед тем, как лечь.

Она открыла глаза.

В комнате было темно. И пусто.

Но воздух определённо двигался. Возле окна. Или возле шкафа. Тонкое, почти неосязаемое дуновение, которое не имело права здесь быть.

Лиза замерла, боясь дышать. Прислушалась.

Ни звука. Только тиканье часов.

Она перевела взгляд на штору. Та слегка колыхнулась. Со всем чуть-чуть. Будто кто-то провёл по ней рукой.

— Здесь кто-то есть? — спросила Лиза шёпотом.

Тишина.

Она ждала. Секунда. Десять. Минута.

Ничего.

Лиза выдохнула, расслабила мышцы, которые свело судорогой от напряжения. Нервы. Точно нервы. Надо будет завтра сходить к врачу, выписать успокоительное. Или к Насте — она заставит поесть нормально и выспаться.

Она закрыла глаза и попыталась уснуть.

В этот раз получилось быстро — усталость взяла своё. Со-

знание поплыло, смешивая реальность и сон. Девушка на качелях. Закат. Тень в углу. Чьё-то присутствие.

И в последний момент, уже на грани сна, Лизе показалось, что она слышит голос.

Тихий, далёкий, едва различимый.

Мужской голос.

Который сказал всего одно слово:

— Помоги...

Лиза резко села на диване, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось. В комнате — тишина и покой. Часы показывали пять минут второго. Она проспала всего ничего? Или не спала вовсе?

— Померещилось, — прошептала она одними губами. — Точно мерещится.

Она легла обратно, натянула плед до самых глаз и зажмурилась. Спать. Надо спать. Утром всё будет по-другому. Утром будет светло, и все тени разбегутся. Утром она доделает работу, позавтракает нормально и, может быть, даже выйдет на улицу. Купит продуктов. Позвонит маме. Начнёт новую жизнь.

Утром.

А пока — только темнота, тишина и лёгкое, почти неуловимое чувство, что она больше не одна в этой квартире.

Глава 2

Лиза проснулась оттого, что её кто-то душил.

Она распахнула глаза и обнаружила, что за ночь запуталась в одеяле, как гусеница в коконе. Плед намотался на шею, руки затекли, спина затекла — классика неудачной позы для сна. Она с трудом высвободилась, села на диване и уставилась в пространство мутным, невидящим взглядом.

За окном было серое утро. Не просто пасмурное, а тоскливое, уральское, с низким небом и моросью, которая висела в воздухе, не решаясь пролиться дождём. Часы показывали половину десятого. Лиза пошевелила затёкшей шеей и вдруг вспомнила вчерашний вечер.

Тень. Движение воздуха. Голос.

— Глупость, — сказала она вслух. Утренним, хриплым со сна голосом это прозвучало убедительно. — Приснилось.

Она встала, натянула поверх футболки растянутый кардиган и поплелась на кухню варить кофе. По дороге машинально глянула в угол возле шкафа. Пусто. Шкаф как шкаф, пыль как пыль, чемодан как чемодан. Никаких теней, никаких голосов. Утро всё расставило по местам.

На кухне Лиза включила чайник и открыла холодильник в надежде найти что-нибудь съедобное. Надежда умерла сразу: плавленый сырок, оливки, половина луковицы, подсохшая на срезе, и кетчуп. Изысканный завтрак художницы.

— Настя права, надо жрать, — вздохнула Лиза и полезла в шкафчик за макаронами.

Она решила сварить себе нормальную еду. Не потому, что хотела есть, а потому, что надо. Организм требовал топлива, даже если душа его не принимала. Макароны с сыром — это почти как в детстве. Мама так готовила, когда не было времени возиться с ужином. Просто, сытно и привычно.

Пока вода закипала, Лиза вернулась в комнату и уставилась на холст. Девушка на качелях смотрела на неё с тем же неммым вопросом, что и вчера. Работа стояла. Заказчик ждал. Время тикало.

— Сегодня, — пообещала Лиза холсту. — После завтрака. Обещаю.

Она снова ушла на кухню, бросила макароны в кипящую воду и принялась тереть сыр на тёрке. Процесс был механическим, почти медитативным. Руки делали своё дело, а голова медленно просыпалась, продираясь сквозь туман недо-сыпа.

Мысли вчерашним вечером не давали покоя. Лиза прокручивала в голове те несколько секунд, когда ей показалось, что в углу кто-то есть. Откуда это взялось? Она никогда не была впечатлительной. Даже в детстве, когда подружки боялись темноты и рассказывали страшилки про гроб на колёсиках, Лиза только пожимала плечами. Она не верила в призраков. Не верила в потустороннее. Считала, что всё это — игры воображения и незрелой психики.

Но вчера было... другое.

Она выключила воду, откинула макароны на дуршлаг, вывалила обратно в кастрюлю, засыпала сыром и накрыла крышкой. Пока сыр плавился, налила себе кофе — растворимый, потому что кофемашина сломалась ещё месяц назад, а починить её руки не доходили.

С тарелкой макарон и кружкой кофе Лиза вернулась в комнату, уселась на диван и включила ноутбук. Нужно было проверить почту — вдруг заказчик прислал правки или, наоборот, образцы для следующей работы.

Почта была пуста, если не считать рассылки от магазина красок и уведомления из соцсетей. Лиза отхлебнула кофе, отправила в рот ложку макарон и уставилась в окно. Серость за стеклом навевала тоску. Хотелось залезть обратно под одеяло и проспать хотя бы до обеда, но совесть — или остатки профессионализма — не позволяли.

Она доела, допила кофе, отнесла посуду в раковину и встала перед мольбертом. Глубокий вдох. Выдох. Кисть в руки. Работа.

Девушка на качелях ждала. Лиза смешала краски и начала править лицо — сделать его более живым, тёплым. Она работала сосредоточенно, стараясь не думать ни о чём, кроме холста. Час. Второй. Рука разогрелась, краски ложились лучше, и даже настроение начало понемногу выравниваться.

В какой-то момент ей понадобился карандаш, чтобы наметить складки на платье. Лиза, не глядя, потянулась к жур-

нальному столику, где обычно лежали карандаши, и нащупала пустоту.

— Что за...

Она повернулась и уставилась на столик. Карандаши — три простых, разной мягкости, и два цветных — всегда лежали в одном месте. Справа от ноутбука, в деревянном стаканчике, который она привезла с дачи. Стаканчик стоял на месте. Но карандашей в нём не было.

Лиза нахмурилась. Она точно помнила, что вчера вечером, перед тем как лечь спать, убирала карандаши в стаканчик. Это был ритуал: закончила работу — убери инструменты. Мама приучила с детства, и Лиза, даже в самом глубоком творческом хаосе, всегда соблюдала это правило.

Она обвела взглядом столик. Ноутбук, чашка с остывшим чаем (вчерашня), пульт от телевизора, стопка книг. Карандашей нет.

— Странно, — сказала Лиза вслух.

Она встала и начала осматривать комнату. Заглянула под столик — нет. Под диван — нет. На подоконнике — только цветок в горшке, засохший наполовину, потому что она забывала его поливать. На полке с книгами — только книги.

Лиза остановилась посередине комнаты, пытаясь вспомнить, куда ещё могли деться карандаши. Может, она вчера убирала их не в стаканчик, а в ящик стола? Но у неё нет стола — только этот журнальный столик и мольберт. Может, они завалились куда-то?

Она опустилась на колени и заглянула под диван. Под диваном было пыльно, валялась закатившаяся когда-то серёжка и обёртка от шоколадки. Карандашей не было.

Лиза выпрямилась и почувствовала, как внутри зашевелилось что-то тревожное. Ладно, карандаши — не иголка, найдутся. Она взяла другой карандаш из запасных (они лежали в пенале на полке) и продолжила работу.

Но мысль о пропаже засела в голове занозой.

Прошло ещё два часа. Лиза увлеклась работой и почти забыла о карандашах, когда ей снова понадобился ластик. Ластик лежал... где? Она повернулась к столику, где всегда лежал ластик. Рядом со стаканчиком.

Ластика не было.

Лиза замерла с кистью в руке и уставилась на пустое место. Ластик — это вам не карандаши. Он большой, белый, с картинкой смешного слонёнка, который стёр хобот. Его невозможно было не заметить. Он всегда лежал на одном месте, и Лиза пользовалась им каждый день.

— Так, — сказала она вслух. — Спокойно. Я сама его куда-то убрала. Или он упал.

Она снова обшарила пол вокруг столика, заглянула под диван, под мольберт, даже заглянула в холодильник (мало ли, вдруг она ночью ходила и сунула его туда в приступе лунатизма). Ластика не было. Карандаши так и не нашлись.

Лиза села на диван и уставилась в одну точку. Тревога внутри разрослась до размеров небольшого кома в горле.

Она не верила в паранормальное. Но и в свою забывчивость она тоже не очень верила. Память у неё была хорошая, профессиональная — художнику нужно держать в голове кучу деталей, оттенков, референсов. Забыть, куда положила карандаши и ластик в течение одной ночи? Нереально.

— Может, я схожу с ума? — спросила она пустоту.

Пустота не ответила.

Лиза тряхнула головой и решила не накручивать себя. Найдутся. Куда они денутся? Она вернулась к работе, использовала другой ластик — маленький, который крепился на конец карандаша — и постаралась выкинуть странности из головы.

До вечера она работала почти без перерыва. Сделала перерыв только на то, чтобы сварить ещё макарон (сыр кончился, ела просто так, с солью) и выпить три чашки кофе. К восьми вечера глаза слипались, спина ныла, а девушка на качелях обрела наконец лицо — живое, тёплое, почти дышащее. Осталось доделать фон и можно сдавать.

Лиза отложила кисть, потянулась и решила, что на сегодня хватит. Завтра утром — финальный рывок, а сейчас — душ и сериал. Она встала, размяла шею и направилась в ванную.

Проходя мимо кухни, она автоматически глянула на стол и замерла.

На столе, ровно посередине, лежали её карандаши. Три простых, два цветных. Аккуратно сложенные в ряд. Рядом с

ними — ластик со смешным слонёнком.

Лиза моргнула. Несколько раз.

Карандаши лежали на столе. Там, где их точно не было два часа назад, когда она разогревала макароны. Там, где она точно не могла их оставить, потому что никогда не рисовала на кухне.

— Этого не может быть, — прошептала Лиза.

Она вошла в кухню, как в замедленной съёмке, и уставилась на карандаши. Они выглядели совершенно обычно. Следов взлома в квартире не было. Дверь заперта. Окна закрыты. Она одна.

— Я сошла с ума, — сказала Лиза. — Окончательно и бесповоротно. Меня надо сдавать в дурку.

Она протянула руку и взяла один карандаш. Тёплый, как будто его только что держали в руках. Но её рук на нём не было — она точно помнила, что вчера мыла кисти и не касалась карандашей после.

Лиза постояла минуту, тупо глядя на карандаши, потом развернулась и пошла в комнату. Села на диван. Посидела. Встала. Прошла. Снова села.

— Ладно, — сказала она себе. — Ладно. Это объяснимо. У меня стресс. Недосып. Творческий кризис. Плюс недавнее расставание. Я могла взять карандаши на кухню сама, в каком-то забытьи, положить их там и забыть. Это же возможно?

Возможно. Теоретически. Если очень постараться.

Но ластик? Она точно не брала ластик на кухню никогда.

Лиза сходила на кухню, забрала карандаши и ластик, вернула их на место — в стаканчик на журнальном столике. Села, уставилась на них. Всё как обычно. Всё нормально.

— Я просто переутомилась, — сказала она вслух. — Надо поспать. Завтра всё встанет на свои места.

Она приняла душ, надела чистую пижаму, выключила свет и легла. Долго ворочалась, прислушиваясь к каждому шороху. Но в квартире было тихо. Только часы тикали. Только где-то за стеной шумели соседи. Только сердце стучало где-то в горле.

Лиза уснула под утро, провалившись в тяжёлый, без сновидений сон.

Утро понедельника началось с того, что Лиза не нашла ключи.

Она проснулась в десять, чувствуя себя разбитой, как будто всю ночь разгружала вагоны. Голова гудела, во рту было сухо. Она доползла до кухни, налила воды, выпила и только потом поняла, что ей нужно в магазин. Продукты кончились окончательно — даже макарон не осталось.

— Ладно, — сказала она пустой квартире. — Схожу. Проветрюсь. Заодно куплю нормальной еды.

Она пошла в прихожую, где на тумбочке всегда висели

ключи от квартиры на крючке. Протянула руку — и нащупала пустоту.

Лиза нахмурилась. Обвела взглядом тумбочку. Ключей не было. Заглянула в ящик тумбочки — там лежали старые квитанции, запасные батарейки, забытая зажигалка. Ключей не было. Обшарила карманы куртки, висящей на вешалке — пусто. Заглянула под тумбочку — пусто.

— Твою ж дивизию, — выдохнула Лиза.

Она начала обыскивать квартиру методично, какследователь. Заглянула во все углы, под диван, под кровать, в ванную, на кухню — в холодильник, в духовку, в хлебницу. Ключей не было.

В панике она обшарила свои карманы, карманы джинсов, которые носила вчера, карманы куртки, которую носила неделю назад. Ключей не было.

Лиза села на пол посреди прихожей и уставилась в одну точку. Ключи от квартиры — это не карандаши. Их нельзя просто так потерять. Она никогда не выходила из дома, не положив ключи на место. Это был автоматизм, выработанный годами. Ключи — на крючок. Сумка — на тумбочку. Всё.

Их там не было.

— Я схожу с ума, — сказала Лиза вслух. Голос дрожал.
— Я точно схожу с ума.

Она просидела на полу минут десять, пытаясь успокоиться. Потом встала, заставила себя мыслить логически. Ключи

не могли испариться. Они где-то в квартире. Значит, нужно просто найти.

Она начала обыск заново, медленнее и тщательнее. Выдвинула все ящики, перетрясла всё бельё, заглянула в обувь, проверила карманы всей одежды в шкафу. Прощупала щели между мебелью и стенами. Заглянула за батареи.

Ключей не было.

Лиза остановилась посередине комнаты, тяжело дыша. Волосы растрепались, на лбу выступила испарина. Она чувствовала, как паника затягивает её в воронку.

И вдруг её взгляд упал на кухонный стол.

На столе, ровно посередине, лежали её ключи.

Она не могла их не заметить раньше — они лежали на самом видном месте, рядом с сахарницей. Чёрный брелок в виде совы, два ключа от квартиры, один от почтового ящика. Всё на месте.

Лиза медленно подошла к столу и уставилась на ключи. Она точно не приносила их на кухню сегодня. Она даже на кухню толком не заходила — только воды налить. И уж точно не клала ключи на стол.

— Кто ты? — спросила Лиза шёпотом. — Что тебе нужно?

Тишина.

Она взяла ключи, сжала их в кулаке и прислушалась к своим ощущениям. Металл холодил ладонь. Брелок — мягкий пластик. Обычные ключи. Ничего необычного.

— Если ты здесь, — сказала Лиза громче, — если ты существуешь... покажись. Или дай знак. Я не сумасшедшая. Я хочу понять.

Тишина.

Ничего не шелохнулось. Воздух оставался неподвижным. Тени не двигались. Только часы тикали на стене.

Лиза постояла минуту, потом развернулась и пошла в прихожую. Повесила ключи на крючок. Посмотрела на них. Висят.

— Ладно, — сказала она. — Я схожу в магазин. Вернусь — тогда и будем разбираться.

Она оделась, проверила ключи (на месте), вышла и заперла дверь. Спустилась на лифте, вышла из подъезда и вдохнула сырой уральский воздух. Моросил дождь. Серое небо давило на плечи. Но на улице было легче — здесь, среди людей, машин, обычной городской жизни, все эти странности казались не такими пугающими.

В магазине она бродила между полками, тупо глядя на продукты и не в силах выбрать что-то осмысленное. Купила хлеб, молоко, яйца, сыр, овощи, курицу — нормальную еду, как у нормальных людей. Расплатилась, вышла и побрела обратно.

Дома, заперев дверь (ключи повернулись в замке как обычно), она разобрала пакеты и села на кухне пить чай. Взгляд то и дело возвращался к столу, где ещё недавно лежали ключи.

— Значит, так, — сказала Лиза вслух. — У меня две версии. Первая: я схожу с ума. У меня провалы в памяти, лунатизм или раздвоение личности. В таком случае мне нужен психиатр.

Она отхлебнула чай.

— Вторая версия: в моей квартире кто-то есть. Невидимый. Кто-то, кто двигает предметы. Призрак. Домовой. Инопланетянин. Бред.

Она поставила кружку.

— Третьей версии нет.

Тишина молчала.

Лиза взяла телефон и набрала Настю. Гудки шли долго, потом сбросились. Через минуту пришло сообщение: «На совещании. Чё хотела?»

Лиза набрала: «Просто спросить, не замечала ли ты в моей квартире ничего странного, когда приходила».

Ответ пришёл быстро: «Странного? Только то, что ты опять худая как щепка и не жрешь. А чё?»

«Ничего, потом расскажу».

«Ты пугаешь. Я приеду вечером».

Лиза улыбнулась: «Приезжай. Шаурму бери».

«Ок».

Она отложила телефон и задумалась. Рассказывать Насте? Стоит ли? Подруга, конечно, лучшая, но услышать историю продвигающиеся предметы — и решить, что у Лизы поехала крыша. Хотя Настя — человек с широкими взглядами, она

верит в эзотерику, в карму, в реинкарнацию. Может, не за- смеёт.

Но сначала Лиза решила понаблюдать.

Она взяла блокнот — обычный, в клеточку, для набросков — и ручку. Открыла чистую страницу и написала:

«Дневник наблюдений. Начало. Понедельник, (число)»

Ниже:

«1. В субботу вечером — тень в углу возле шкафа. Дви- жение воздуха. Голос? (точно не уверена).

2. Воскресенье утром — пропали карандаши и ластик. На- шлись на кухонном столе вечером.

3. Понедельник утром — пропали ключи. Нашлись на ку- хонном столе через час».

Она перечитала написанное и поняла, что со стороны это выглядит как записки сумасшедшей. Но деваться было неку- да.

Лиза дописала: «Попыталась поговорить с пустотой — ни- какой реакции. Буду наблюдать дальше».

Она положила блокнот на видное место и вернулась к ра- боте. Девушка на качелях ждала финальных штрихов. Лиза взяла кисть и постаралась сосредоточиться, но мысли то и дело ускользали к карандашам, ключам и тени в углу.

Работа продвигалась медленно. Она то и дело отрывалась, прислушивалась, оглядывалась. Но в квартире было тихо. Слишком тихо. Даже соседи сверху, которые обычно долби- ли перфоратором по выходным, сегодня притихли.

К вечеру она доделала фон. Девушка на качелях парила в закатном небе, лёгкая, счастливая, влюблённая. Лиза смотрела на неё и чувствовала странную зависть. У этой нарисованной девушки всё впереди. А у неё, Лизы, — только блокнот с записями о полтергейсте и ожидание Насти с шаурмой.

Настя приехала в восемь. Ворвалась в квартиру, как ураган, гремя пакетами и разбрасывая вокруг себя энергию жизни.

— Ты чего худая такая? — с порога спросила она, скидывая кеды в прихожей. — Я же тебе говорила — жрать надо! Вот, держи.

Она вручила Лизе пакет с шаурмой, второй — с пирожками, третий — с овощами и фруктами.

— Это тебе не на один день, — пояснила Настя. — Будешь есть. Я проверю.

Лиза улыбнулась. С Настей всегда становилось легче. Она была полной противоположностью Лизе — шумная, яркая, громкая, с короткой стрижкой и вечно меняющимся цветом волос (сейчас — сиреневый). Она работала в рекламном агентстве и умудрялась при этом вести активную социальную жизнь, встречаться с тремя мужчинами одновременно и ещё находить время на подругу.

— Рассказывай, — потребовала Настя, плюхаясь на диван и доставая свою шаурму из пакета. — Что у тебя стряслось? Ты в сообщении написала такое, что я решила — либо ты влюбилась, либо умираешь.

Лиза села рядом, помялась минуту и начала рассказывать. Про тень в углу, про голос, про карандаши и ключи. Говорила сбивчиво, перескакивая с одного на другое, боясь, что Настя сейчас закатит глаза и скажет, что Лизе пора к врачу.

Но Настя слушала внимательно, жевала шаурму и хмурилась.

— Полтергейст, — сказала она, когда Лиза закончила. — Классический полтергейст.

— Чего?

— Ну, домовой. Или призрак. Или барабашка. Двигает вещи, прячет их, потом выкладывает на видное место. Я в передачах про аномальное видела. У людей предметы летали, мебель двигалась, всё такое.

— Настя, это бред, — вздохнула Лиза. — Призраков не существует.

— А ключи сами собой переместились? — резонно возразила Настя. — Ты уверена, что не клала их на стол?

— Уверена. Абсолютно.

— Ну вот. А карандаши?

Лиза молчала. Возразить было нечего.

— Значит, так, — Настя отложила шаурму и деловито сложила руки на груди. — У тебя в квартире завёлся кто-то потусторонний. Варианты действий: можно вызвать батюшку освятить квартиру. Можно экстрасенса. Можно просто поговорить с ним и попросить не безобразничать.

— Поговорить? — Лиза подняла бровь.

— А чё? Иногда помогает. Они же, эти сущности, тоже хотят, чтобы их слышали. Может, он пытается привлечь твоё внимание.

Лиза вспомнила вчерашний шёпот на грани сна. «Помоги...»

— Допустим, — сказала она медленно. — Но как с ним поговорить?

— Ну, скажи вслух. Если он здесь, услышит. Призраки же всё слышат. Или задай вопрос и попроси дать знак.

Лиза посмотрела на подругу с сомнением. Но в глубине души что-то отозвалось на эти слова. В конце концов, хуже не будет.

Она встала, вышла в центр комнаты и сказала громко, чётко:

— Если ты здесь, дай знак. Пошевели чем-нибудь. Или верни то, что взял. Я не злюсь. Я просто хочу понять.

Тишина.

Настя замерла на диване, впившись взглядом в пространство. Лиза тоже ждала.

Секунда. Десять. Минута.

Ничего.

— Может, он спит? — предположила Настя. — Или его нет днём. Призраки же по ночам активнее.

Лиза вздохнула и вернулась на диван.

— Дурость какая-то, — сказала она. — Я чувствую себя идиоткой.

— Не дурость, — возразила Настя. — Ты просто ищешь ответы. Это нормально. Давай так: я сегодня останусь у тебя. Посмотрим, что будет ночью.

Лиза благодарно кивнула. С Настей было не так страшно.

Они доели шаурму, потом пили чай с пирожками, потом смотрели какой-то дурацкий сериал и болтали обо всём подряд. Настя рассказывала про своих троих мужчин, про интриги на работе, про планы на лето. Лиза слушала и почти забыла о своих страхах.

В половине двенадцатого они начали готовиться ко сну. Настя достала из сумки свою пижаму — шелковую, с единорогами — и ушла в ванную. Лиза постелила ей на диване (сама она спала на раскладушке, которую достала с балкона специально для гостя).

Когда свет погас, Лиза долго лежала с открытыми глазами, прислушиваясь. Рядом сопела Настя. За окном шуршал дождь. В квартире было тихо.

И вдруг — звук.

Лёгкий, едва различимый. Будто что-то упало на пол.

Лиза напряглась. Настя тоже замерла — видимо, не спала.

— Слышала? — шёпотом спросила Лиза.

— Ага, — так же шёпотом ответила Настя. — Вроде на кухне.

Они лежали, боясь пошевелиться. Потом Настя решительно встала и включила свет.

— Пошли, — сказала она. — Вместе.

Они вышли на кухню. Включили свет. Осмотрелись.

На столе лежал ластик со смешным слонёнком.

Тот самый, который Лиза вернула в стаканчик ещё днём.

— Ну ни хрена себе, — выдохнула Настя. — Лизка, у тебя правда барабашка.

Лиза смотрела на ластик и чувствовала, как внутри всё холодеет. И одновременно — разгорается странное, почти детское любопытство.

— Ты здесь, — сказала она в пустоту. — Я знаю. Я не боюсь. Что тебе нужно?

Тишина.

Но в этот раз тишина была другой. Не пустой. А наполненной чем-то. Каким-то присутствием, которое висело в воздухе, как запах грозы перед дождём.

— Он слушает, — прошептала Настя. — Я чувствую.

Лиза кивнула. Она тоже чувствовала.

— Завтра, — сказала она. — Завтра мы поговорим. Если хочешь. А сейчас... дай нам поспать. Хорошо?

Ничего не шелохнулось. Но напряжение в воздухе спало. Будто невидимый собеседник кивнул и ушёл в тень.

Лиза и Настя вернулись в комнату. Долго молчали, глядя в потолок.

— Лизка, — сказала наконец Настя. — Ты понимаешь, что у тебя теперь есть призрак?

— Понимаю, — ответила Лиза. — И пока не знаю, радоваться или паниковать.

— А он тебя слышит. И слушается. Ты попросила не мешать ночью — он не мешает.

— Или просто устал и пошёл спать в свой угол.

— Призраки не спят.

— Откуда ты знаешь?

— Из передач, — хихикнула Настя. — Ладно, давай спать.

Утро вечера мудренее.

Они замолчали. Лиза долго ворочалась, но потом усталость взяла своё. Последней мыслью перед сном было: «Кто ты? И зачем ты пришёл ко мне?»

И где-то на грани сна и яви ей показалось, что кто-то ответил:

«Я сам не знаю».

Глава 3

Настя уехала рано утром, пока Лиза ещё спала. На журнальном столике осталась записка, придавленная кружкой с остывшим чаем: «Лизка, я на работу. Барабашке привет. Звони, если что. PS: В холодильнике нормальная еда, ЖРИ её, пожалуйста. Целую, Настя».

Лиза прочитала записку, улыбнулась и сунула её в блокнот — туда же, где лежал начатый дневник наблюдений. Блокнот заметно потолстел за последние сутки: после ночного происшествия с ластиком она записала всё подробно, включая реакцию Насти и свои ощущения.

На кухне она заставила себя съесть нормальный завтрак — яичницу с помидорами и тост с сыром. Жевала механически, поглядывая на стол, где прошлой ночью материализовался ластик. Сейчас там ничего не было, только салфетка да солонка. Всё обычно.

Но чувство присутствия никуда не делось.

Оно висело в воздухе, как лёгкое облачко духов, которое то появляется, то исчезает. Лиза то и дело ловила себя на том, что прислушивается, оглядывается, ждёт какого-то знака. Но день шёл своим чередом, и ничего не происходило.

Она села за работу. Девушка на качелях была почти готова — оставалась пара штрихов, и можно сдавать. Лиза взяла самую тонкую кисть и принялась прописывать детали: кру-

жево на платье, блики в глазах, лёгкую дымку на горизонте. Рука двигалась уверенно, почти автоматически. Мысли были далеко.

Она думала о том, что вчера сказала Настя. Призрак. Сущность. Барабашка. Слова звучали по-детски, нелепо, но другого объяснения не было. Кто-то невидимый двигал её вещи, реагировал на её просьбы, прятался от прямого контакта. И этот кто-то явно хотел, чтобы Лиза знала о его существовании.

Но зачем?

И главное — почему она не боится? По-настоящему, до дрожи в коленках, до истерики. Должна же нормальная девушка бояться полтергейста в собственной квартире. А Лиза чувствовала скорее любопытство. И странное, почти тёплое чувство — будто она не одна.

Хотя это «не одна» было в кавычках. Потому что с кем? С пустотой? С тенью?

Лиза отложила кисть и посмотрела на часы. Полдень. Впереди целый день. Она решила, что будет работать, а вечером... вечером попробует снова поговорить. Может, в темноте, когда призраки становятся активнее, у неё получится наладить контакт.

Она проработала до самого вечера, с перерывом на обед (всё те же яйца, потому что готовить что-то сложное было лень) и на разговор с мамой по телефону. Мама звонила каждое воскресенье, и Лиза механически отвечала на стандарт-

ные вопросы: «Как дела?», «Что ела?», «Познакомилась с кем-нибудь?». Врала про дела и еду, честно отвечала про знакомства — ни с кем. Мама вздыхала, говорила, что пора уже остепениться и рожать внуков, Лиза обещала подумать, и на этом разговор заканчивался.

К восьми вечера Лиза закончила работу. Девушка на ка-
челях смотрела на неё с холста счастливыми глазами, и Ли-
зе вдруг стало обидно. За себя. За то, что она не умеет так
смотреть. За то, что её собственная жизнь — сплошная се-
рая морось за окном.

Она отправила файл заказчику, откинулась на спинку сту-
ла и выдохнула. Готово. Можно отдыхать. А отдых для неё
означал одно: сериал и чай. Или книга. Или просто тупое
листание ленты в соцсетях, пока глаза не начнут слипаться.

Лиза приняла душ, переделалась в пижаму (старые флане-
левые штаны и майку) и устроилась на диване с ноутбуком.
Включила какой-то детективный сериал, где красивый сы-
щик расследовал убийства в маленьком английском городке.
Сюжет её не особо захватывал, но картинка была приятной,
и можно было не думать.

Где-то на середине серии она задремала. Ноутбук съехал
набок, голова упала на подушку, и Лиза провалилась в неглу-
бокий, чуткий сон.

Проснулась она оттого, что замёрзла.

В комнате было темно — шторы задёрнуты, свет не горит.
Ноутбук погас, разрядившись в ноль. Часы показывали по-

ловину третьего ночи. Лиза поёжилась и потянулась к пледу, который должен был лежать в ногах, но нащупала только пустоту.

— Чёрт, — пробормотала она спросонья.

Она села, протерла глаза и огляделась. В темноте предметы угадывались с трудом — только силуэты, тени, сгустки мрака. Луна сегодня не светила, небо за окном было затянуто тучами. В комнате стояла абсолютная, непроглядная тьма.

Лиза нащарила рукой телефон — тьфу, тоже разрядился. Она вздохнула, встала с дивана и на ощупь побрела к выключателю. Руки вперед, чтобы не наткнуться на угол столика.

Шаг. Два. Три.

Её ладонь коснулась стены, поползла вверх, ища заветную клавишу. Нашла. Щелчок.

Свет не зажегся.

Лиза пощёлкала ещё раз — ноль реакции. Лампочка перегорела? Или пробки выбило? Она вздохнула и решила идти на кухню — там был отдельный свет, и, может, повезёт больше.

Она двинулась дальше, держась за стену. Прошла мимо шкафа, мимо полки с книгами, завернула в коридор. Здесь было так же темно. Лиза нащупала дверной проём кухни, шагнула внутрь и потянулась к выключателю.

Щелчок.

Тьма.

— Да что ж такое, — выдохнула Лиза.

Она замерла посреди кухни, пытаясь сообразить, что делать дальше. В квартире нет света. Телефон разряжен. Фонарика у неё отродясь не было. Можно, конечно, найти свечи — они где-то в ящике, но в такой темноте их хрен найдёшь.

Она уже собралась вернуться в комнату и лечь обратно — переждать ночь, а утром разбираться, — когда краем глаза уловила движение.

В окне.

Лиза повернула голову и замерла.

Кухонное окно выходило во двор. Обычно оттуда, даже ночью, проникал тусклый свет фонарей, но сегодня, видимо, фонари тоже не горели — то ли авария, то ли плановое отключение. Стекло было абсолютно чёрным, как зеркало.

И в этом чёрном зеркале она увидела его.

Мужчина.

Он стоял позади неё.

Лиза резко обернулась, вжимаясь спиной в подоконник. Сердце ухнуло куда-то в пятки и оттуда забилось часто-часто, как пойманная птица.

На кухне никого не было.

Она перевела дыхание и снова уставилась в окно. Отражение никуда не делось. Мужчина стоял там, в темноте стекла, и смотрел на неё.

Лиза не могла пошевелиться. Страх сковал всё тело, превратив мышцы в камень. Она смотрела на отражение и не верила своим глазам.

Мужчина был молодой. Лет тридцать, может, чуть больше. Высокий, худощавый, с тёмными волосами до плеч, забранными в низкий хвост. Острые скулы, прямой нос, чёткая линия подбородка. Даже в чёрно-белом отражении было видно, что он красив той особой, породистой красотой, которая встречается на старых портретах.

Но больше всего поражала одежда.

На нём был камзол. Тёмный, расшитый чем-то, что отблескивало даже в этом мраке. Высокий воротник, узкие рукава. Под камзолом — белая рубашка с кружевными манжетами. На поясе — что-то похожее на ножны, но без меча.

И сапоги. Высокие, чёрные, с отворотами.

Он выглядел так, будто сошёл со страниц исторического романа. Или из фильма про семнадцатый век. Или из её собственных снов, которые становились всё страннее.

Мужчина смотрел на неё в упор. Его глаза — Лиза видела их даже в этом мутном отражении — были растерянными. Испуганными, если такое слово можно применить к призраку. Он открыл рот, будто хотел что-то сказать, но звука не было.

Лиза тоже хотела закричать. Но голос пропал.

Они смотрели друг на друга сквозь стекло, сквозь тьму, сквозь границу реальностей. Сколько это длилось — секунду, минуту, вечность? Лиза не знала. Время словно остановилось, застыло, превратилось в густой кисель.

А потом он исчез.

Просто растворился в темноте стекла. Без вспышки, без звука, без предупреждения. За секунду до этого был — и в следующую секунду его не стало.

Лиза стояла, вцепившись в подоконник, и смотрела на пустое чёрное окно. Дыхание вырывалось со всхлипом. Руки дрожали. В груди колотилось что-то бешеное, готовое выпрыгнуть наружу.

— Господи, — прошептала она. — Господи боже мой.

Ноги подкосились. Она сползла по стенке на пол, села прямо на холодный линолеум и закрыла лицо руками. Сердце колотилось так, что, казалось, сейчас проломит рёбра.

Это был не сон. Это было наяву. Она видела его. Отчётливо, ясно, во всех деталях. Мужчина в камзоле. В её отражении. Которого не было в реальности.

— Призрак, — выдохнула Лиза. — Настя была права. Это призрак.

Она сидела на полу, пытаясь отдышаться и унять дрожь. Мысли метались, как обезумевшие муравьи. Что делать? Бежать? Кричать? Звонить в милицию и говорить, что у неё в квартире привидение? Её ж не в милицию отвезут, а сразу в психушку.

Минут через десять дрожь начала утихать. Лиза поднялась на ватных ногах, добрела до комнаты, на ощупь нашла диван и рухнула на него. Свет так и не зажёгся — то ли пробки, то ли конец света.

Она лежала в темноте, глядя в потолок, и прокручивала в

голове увиденное снова и снова. Камзол. Сапоги. Растерянный взгляд. Он не выглядел страшным. Он выглядел... потеряннм. Как человек, который не понимает, где оказался и как сюда попал.

«Помоги...» — вспомнила Лиза тот шёпот на грани сна.

Он просил помощи.

И она его увидела.

— Ты здесь? — спросила Лиза шёпотом. — Ты можешь меня слышать?

Тишина.

— Я не боюсь, — соврала она. — Ну, почти не боюсь. Покажись ещё раз. Пожалуйста.

Ничего.

Лиза вздохнула, закрыла глаза и приказала себе успокоиться. В конце концов, если призрак хотел ей навредить, он бы уже давно это сделал. А он только двигал предметы и пугал её появлением. Может, это какой-то способ общения? Может, он тоже боится?

Эта мысль показалась ей странной, но почему-то успокоила.

Она лежала в темноте и постепенно дыхание выровнялось, сердце перестало биться как бешеное. Усталость взяла своё, и Лиза провалилась в сон — тяжёлый, без сновидений, похожий на чёрную яму.

Утро наступило внезапно — с солнечным светом, пробивающимся сквозь щели в шторах, с шумом машин за окном, с обычной, нормальной реальностью.

Лиза открыла глаза и уставилась в потолок. Несколько секунд она просто лежала, наслаждаясь тем, что не надо никуда вставать. А потом вчерашняя ночь обрушилась на неё воспоминанием.

Она резко села, чуть не свалившись с дивана.

Свет в комнате горел. То есть лампочка под потолком горела ровным жёлтым светом. Лиза перевела взгляд на выключатель — он был в положении «вкл». Она щёлкнула им несколько раз — свет замигал, но работал.

— Странно, — сказала она вслух. — Вчера же не горел.

Она вскочила и побежала на кухню. Щёлкнула выключателем там — свет зажёгся мгновенно. Всё работало. Как будто и не было ночного отключения.

Лиза замерла посреди кухни, глядя на окно. При дневном свете оно выглядело обычно — обычное стекло, обычный вид на серые девятиэтажки, обычное утро. Никаких призраков, никаких отражений.

— Приснилось, — выдохнула Лиза с облегчением. — Точно приснилось. Ночь, темнота, стресс — вот и приснился кошмар.

Она прошла в ванную, умылась холодной водой, почистила зубы. Посмотрела на себя в зеркало. Из зеркала на неё

смотрела бледная девушка с синяками под глазами и вострессанными волосами. Обычная. Нормальная. Не сумасшедшая.

— Конечно, приснилось, — сказала она отражению. — Призраков не бывает.

Она сварила кофе, сделала бутерброд и села завтракать, стараясь не смотреть на окно. Мысли постепенно успокаивались. Ночь — страшно. День — всё видится иначе. Вчера она переутомилась, перенервничала из-за этих дурацких карандашей, вот мозг и выдал галлюцинацию. С кем не бывает.

Но где-то в глубине души занозой сидело сомнение. Слишком реальным было то отражение. Слишком отчётливым. Слишком... живым.

Лиза допила кофе, убрала посуду и вернулась в комнату. Взяла блокнот, открыла на чистой странице и записала:

«Ночь с воскресенья на понедельник. Около 3 часов ночи. В отражении кухонного окна увидела мужчину. Выглядел как человек из прошлого — камзол, сапоги, длинные волосы. Примерно 30 лет. Красивое лицо, растерянный взгляд. Исчез через несколько секунд. Утром свет работает, никаких следов. Вероятно, сон/галлюцинация на фоне стресса».

Она перечитала написанное и вдруг поймала себя на том, что описывает его как реального человека, а не как плод воображения. «Красивое лицо» — зачем ей записывать это, если это был просто сон?

Лиза захлопнула блокнот и отложила в сторону.

— Хватит, — сказала она себе. — Надо работать. У тебя заказ на следующую книгу, надо делать наброски. Реальность — вот она, в холстах и красках. А призраки — это для детей.

Она достала новый холст, натянула его на подрамник, загрунтовала. Механическая работа успокаивала. Руки делали своё дело, а мысли потихоньку укладывались в нормальное русло.

День прошёл в работе. Лиза делала наброски для новой обложки — на этот раз фэнтези, с драконами и замками. Она рисовала замки, а перед глазами то и дело всплывал тот камзол, те сапоги. Похоже на средневековье, да? Или на семнадцатый век? Она плохо разбиралась в истории костюма, но точно знала, что в наши так не одеваются.

К вечеру она устала так, что еле доползла до кухни. Сварила пельмени — последние из запасов, завтра надо будет сходить в магазин — и съела их, глядя в телефон. Настя написала: «Ну как там твой барабашка?»

Лиза ответила: «Нормально. Спокойно. Наверное, выходной».

Настя прислала смеющийся смайлик и эмодзи с привидением.

Лиза улыбнулась и отложила телефон. Вечер вступал в свои права. За окном темнело. Она включила свет во всей квартире — на всякий случай — и устроилась на диване с книгой. Читать не особо хотелось, но надо было чем-то за-

нять мозг, чтобы не думать о вчерашнем.

Часы показывали десять, когда она начала клевать носом. Книга выпадала из рук, глаза слипались. Лиза решила, что ляжет пораньше — выпится за все бессонные ночи.

Она выключила свет в комнате, оставив только ночник в коридоре, забралась под одеяло и закрыла глаза. В голове крутились обрывки мыслей — про заказ, про драконов, про камзол, про растерянный взгляд.

— Спи, — приказала она себе. — Завтра новый день.

Она уснула быстро, провалившись в сон, как в тёплую воду.

И приснился ей он.

Тот самый мужчина. Теперь она видела его не в отражении, а прямо перед собой. Он стоял в её комнате, возле окна, и смотрел на неё. При свете луны (сегодня она пробивалась сквозь тучи) Лиза разглядела его лучше. Тёмные волосы, перехваченные кожаным шнурком. Глаза — серые или голубые, в темноте не разобрать. Бледная кожа. Тонкие, почти аристократические черты лица.

На нём был тот же камзол, что и в прошлый раз. И сапоги. И белая рубашка, виднеющаяся в вырезе.

— Кто ты? — спросила Лиза во сне.

Он открыл рот, но звука не было. Он явно пытался что-то сказать, но слова не проходили сквозь невидимую преграду. На лице отразилось отчаяние.

— Я не слышу тебя, — сказала Лиза. — Попробуй ещё

раз.

Он шагнул к ней. Протянул руку. Его пальцы коснулись её лица — и Лиза почувствовала прикосновение. Холодное, лёгкое, почти невесомое. Как дуновение ветра. Как крыло бабочки.

А потом он исчез.

Лиза проснулась.

В комнате было темно. Часы показывали три ночи. Сердце колотилось, как после пробежки. Она села на диване, обхватила колени руками и уставилась в пустоту.

— Это был сон, — прошептала она. — Просто сон.

Но на щеке всё ещё чувствовалось то прикосновение. Холодное, лёгкое, настоящее.

Лиза потрогала щеку рукой — тёплая, обычная. Никаких следов.

Она откинулась на подушку и уставилась в потолок. Спать больше не хотелось. В голове крутилось только одно: он пытался с ней заговорить. Он хотел что-то сказать. Но не мог.

— Что тебе нужно? — спросила Лиза в темноту. — Чего ты хочешь?

Тишина.

Она вздохнула, перевернулась на бок и закрыла глаза. Сон не шёл. Тогда она встала, включила свет, взяла блокнот и записала:

«Сон (или не сон?) в ночь на вторник. Видела его снова. Он пытался что-то сказать, но я не слышала. Дотронулся

до моего лица — почувствовала холод. Ощущение реальное. Проснулась в 3 ночи».

Она посмотрела на запись и добавила внизу:

«Я не сумасшедшая. Это происходит на самом деле».

Посидела минуту, потом взяла ручку и приписала:

«Его зовут Фредерик. Откуда я это знаю? Я не знаю. Просто знаю. Фредерик».

Лиза захлопнула блокнот, выключила свет и легла обратно. Удивительно, но после этой записи она успокоилась. Будто дала чему-то имя — и это что-то стало менее страшным, более реальным, более... своим.

Она закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Спокойной ночи, Фредерик. Если ты здесь... спи. Завтра поговорим.

И ей показалось, что в ответ где-то в углу комнаты чуть колыхнулась тьма. То ли ветер, то ли дыхание, то ли согласие.

Лиза уснула и на этот раз спала без снов до самого утра.

Утром её разбудил солнечный свет. Часы показывали десять. За окном — редкое для уральской осени солнце. Лиза потянулась, встала и первым делом подошла к блокноту.

Открыла на последней записи.

«Его зовут Фредерик».

Она смотрела на эти слова и не могла объяснить, откуда они взялись. Во сне ей никто не представлялся. Она просто

проснулась со знанием. Будто кто-то вложил это имя ей в голову.

— Фредерик, — произнесла Лиза вслух. — Красивое имя. Она улыбнулась своим мыслям и пошла умываться.

Днём она работала, но то и дело ловила себя на том, что прислушивается. Тишина. Никаких движений, никаких знаков. Даже предметы лежали на своих местах. Ластик — в стаканчике. Ключи — на крючке. Всё обычно.

— Ты обиделся, что ли? — спросила Лиза пустоту. — Или боишься?

Ответа не было.

К вечеру она начала волноваться. А вдруг вчерашнее было последним разом? Вдруг он ушёл навсегда? Вдруг она его спугнула?

Эта мысль оказалась неожиданно болезненной. Лиза поймала себя на том, что ждёт вечера, ждёт темноты, ждёт новой встречи. Как свидания. Как чуда.

— Господи, я разговариваю с призраком и жду, когда он появится, — сказала она своему отражению в ванной. — Моя жизнь определённо свернула не туда.

Но ничего не могла с собой поделать.

Вечером она нарочно не включила свет в комнате, оставив только тусклый ночник в коридоре. Села на диван, поджав ноги, и стала ждать.

Часы тикали. Десять. Одиннадцать. Двенадцать. Ничего.

Лиза начала клевать носом. Усталость брала своё. Она уже собралась лечь, когда вдруг воздух в комнате изменился.

Лиза замерла.

Она не видела его. Но чувствовала. То самое присутствие — лёгкое, холодное, внимательное.

— Ты здесь, — сказала она шёпотом. — Я знаю. Я не боюсь. Покажись, пожалуйста.

Тишина.

— Фредерик.

Имя прозвучало в тишине, как пароль. Как приглашение.

И в тот же момент в тёмном стекле окна проявилось отражение.

Он стоял там же, где и в прошлый раз — позади неё, но в отражении. Смотрел на неё. В этот раз в его взгляде не было растерянности. Только надежда.

Лиза медленно, боясь спугнуть, повернула голову. В реальности за её спиной никого не было. Только в стекле.

— Я вижу тебя, — сказала она. — Я знаю твоё имя. Фредерик.

Он кивнул. Медленно, отчётливо.

И впервые Лиза увидела, как его губы шевельнулись. Беззвучно. Но она поняла.

Он сказал: «Спасибо».

Лиза улыбнулась. Сквозь страх, сквозь нереальность происходящего, сквозь всё — она улыбнулась.

— Расскажи мне, — попросила она. — Кто ты? Откуда? Что тебе нужно?

Фредерик открыл рот, чтобы ответить. Но в этот момент за стеной у соседей что-то грохнуло — видимо, упала кастрюля. Звук был такой внезапный и громкий, что Лиза вздрогнула и обернулась на шум.

А когда снова посмотрела в окно — там было пусто.

Только чёрное стекло и её собственное испуганное отражение.

— Нет, — выдохнула Лиза. — Пожалуйста, вернись.

Но он не вернулся.

Она просидела до трёх ночи, вглядываясь в темноту, но он больше не появился. То ли испугался шума, то ли не мог больше, то ли просто устал.

Под утро Лиза легла спать, но перед этим записала в блокнот:

«Он вернулся. В отражении окна. Кивнул, когда я назвала его имя. Пытался что-то сказать, но соседи спугнули. Он реален. Он существует. И он знает, что я его вижу».

Она закрыла блокнот и посмотрела в сторону окна.

— Я не сдамся, Фредерик, — сказала она. — Я помогу тебе. Чем смогу.

Тишина была ей ответом. Но в этой тишине уже не было пустоты. Было ожидание.

Глава 4

Он не помнил, как умер.

Это было странное ощущение — знать, что тебя больше нет, но при этом продолжать думать, чувствовать, наблюдать. Словно кто-то перевернул песочные часы, и весь его мир, вся его жизнь просыпались сквозь узкое горлышко в какую-то другую реальность, а он сам застрял где-то посередине.

Последнее, что осталось в памяти — битва.

Фредерик помнил запах дыма и конского пота. Помнил лязг металла и крики раненых. Помнил, как клинок врага скользнул по его собственной стали, высекая искры. Помнил, как закричал кто-то сзади — кажется, Гуннар, его оруженосец, мальчишка, которого он взял в услужение всего полгода назад.

А потом была вспышка.

Не та, что бывает от удара молнии или от взрыва боевого артефакта. Нет, совсем другая. Белая, тихая, всепоглощающая. Она пришла ниоткуда и заполнила собой всё — небо, землю, воздух, его самого. Фредерик помнил, как в тот миг подумал: «Вот оно. Конец». И не почувствовал страха. Только удивление.

А потом — тьма.

Пустота.

Ничего.

Сколько это длилось — он не знал. Мгновение? Час? Вечность? Времени не существовало. Было только чёрное ничто, в котором он парил, не имея ни тела, ни мыслей, ни чувств.

А потом что-то щёлкнуло.

Он открыл глаза.

И понял, что стоит посреди комнаты, которой никогда раньше не видел.

Первое, что поразило его — свет. Он лился отовсюду. С потолка, где горела какая-то странная круглая лампа, излучавшая ровный жёлтый свет. Из окна, за которым виднелись огромные, неестественно высокие здания. Из маленькой коробочки на столе, которая светилась голубоватым и издавала тихий гул.

Фредерик зажмурился и потёр глаза рукой. Рука была на месте. Тело было на месте. Он чувствовал свои пальцы, свои ноги, своё лицо. Но что-то было не так. Что-то неуловимо изменилось.

Он опустил глаза и осмотрел себя. Та же одежда, что была на нём в битве — кожаный камзол, под ним льняная рубашка, высокие сапоги. Меч... где меч? Он машинально потянулся к поясу, но ножны были пусты. Меч пропал. Осталась только пустая кожаная петля.

Фредерик перевёл взгляд на комнату. Маленькое помещение, загромождённое странными предметами. У стены стоял диван, обитый тканью с цветочным узором. Рядом — столик

на низких ножках, заваленный бумагами, книгами и той самой светящейся коробочкой. На полу валялись какие-то тюбики, кисти, банки с водой. В углу возвышался деревянный станок с натянутым холстом, на котором кто-то рисовал де-вушку на качелях.

Рисовал.

Фредерик подошёл ближе и замер. Картина была не закончена, но уже жила своей жизнью. Краски — таких ярких, таких сочных красок он не видел никогда в жизни. У них дома художники пользовались минеральными пигментами, замешанными на яичном желтке или льняном масле. Цвета получались приглушёнными, естественными, благородными. А здесь... здесь краски горели, светились, кричали.

Он протянул руку, чтобы коснуться холста, и его пальцы прошли сквозь материю.

Фредерик отдернул руку и уставился на неё. Пальцы были целы. Он видел их, чувствовал их, мог сжать в кулак. Но холста они не коснулись. Прошли сквозь него, как сквозь туман.

— Что за... — прошептал он.

Голос прозвучал глухо, будто из-под воды. Фредерик откашлялся, попробовал снова:

— Есть кто?

Тишина.

Он обошёл комнату, стараясь не задеть предметы — хотя, судя по всему, задеть их он всё равно не мог. Протянул руку к светящейся коробочке — пальцы прошли сквозь неё,

и коробочка даже не дрогнула. Попробовал взять со стола книгу — бесполезно. Рука проходила сквозь предметы, как сквозь дым.

— Я умер, — сказал Фредерик вслух. — Я точно умер. Я призрак.

Эта мысль не вызвала у него страха. Скорее странное, отстранённое любопытство. Он читал в детстве сказки про призраков, которые бродят по замкам и пугают живых. Но тогда он думал, что это выдумки для малолетних детей. Оказывается, нет.

Он подошёл к окну и выглянул наружу.

И замер.

То, что он увидел, не укладывалось в голове.

Высоченные здания — выше, чем самые высокие башни королевского замка — тянулись в небо, насколько хватало глаз. Они были серыми, мрачными, с бесчисленными рядами одинаковых окон. Между ними бежали дороги, по которым двигались странные повозки — без лошадей, без быков, без какой-либо видимой тягловой силы. Они издавали низкий гул и время от времени рычали, как дикие звери.

По узким дорожкам между зданиями ходили люди. Их было много, невероятно много. Они двигались быстро, почти бежали, глядя себе под ноги или в маленькие светящиеся пластины, которые держали в руках. Одежда на них была странная — короткие штаны у мужчин, у женщин — такие короткие платья, что Фредерик счёл это неприличным. Но

никто, кажется, не обращал внимания.

Небо было серым, низким, чужим. Солнца не видно — только мутный свет за облаками. Пахло дымом, но не тем, от костров, а каким-то едким, химическим.

— Где я? — прошептал Фредерик.

Ответа не было.

Он попытался выйти из комнаты. Прошёл сквозь стену — и оказался в другом помещении, маленьком и тесном. Там стоял белый ящик, из которого лилась вода, и ещё один ящик, на который можно было сесть. Странное место. Он двинулся дальше, сквозь следующую стену — и вдруг наткнулся на невидимую преграду.

Дальше коридора он пройти не мог.

Фредерик попытался ещё раз — та же стена. Не физическая, но ощутимая. Она не пускала его дальше порога квартиры. Он обошёл все стены, все углы — везде одно и то же. Квартира была его тюрьмой. Или убежищем. Он не знал.

Вернулся в комнату, сел на пол (прошёл сквозь него и оказался на метр ниже, пришлось подниматься) и попытался справиться с мыслями.

Итак. Он умер. Это факт. Последнее, что он помнит — битва, вспышка, тьма. Значит, скорее всего, его убили. Кто? Он не знал. В той схватке было много врагов, и исход битвы висел на волоске. Может, его сразил тот рыцарь в чёрных доспехах, с которым они сошлись в самом начале. А может, кто-то ударил в спину — такое случалось.

Но почему он здесь? В этом странном мире с гудящими повозками и ярким светом в окнах?

Фредерик попытался вспомнить, что говорят жрецы о загробной жизни. Души умерших отправляются в Чертоги Предков, где пируют и сражаются вечно в ожидании последней битвы. Но это — явно не Чертоги. Там не может быть таких серых зданий и таких странных, суетливых людей.

Может, это наказание? Может, он совершил при жизни что-то, за что боги отправили его в это странное место?

Но что? Он не был святым, но и грехов великих за ним не водилось. Сражался за короля, защищал слабых, платил налоги, чтил предков. Обычная жизнь воина. Ничего такого, за что стоило бы отправлять душу в такое... недоразумение.

Фредерик сидел на полу (вернее, над полом, паря в сантиметре от него) и пытался осмыслить происходящее. Время шло. Он не знал, сколько — часов у него не было, да и солнца за окном не видно. Свет за окном то становился ярче, то тускнел, но Фредерик не мог понять, день сейчас или ночь.

А потом он впервые увидел ЕЁ.

Дверь в квартиру открылась, и вошла девушка.

Фредерик вскочил и отступил в угол, вжимаясь в стену (и частично проваливаясь в неё). Девушка была молодая, лет двадцати с небольшим. Худая, бледная, с тёмными кругами под глазами. Русые волосы стянуты в небрежный пучок. Одет... как же это называется? Штаны из мягкой ткани и свободная рубашка с каким-то чудным рисунком.

Она вошла, бросила сумку на пол и устало опустилась на диван. Фредерик смотрел на неё во все глаза.

Она живая. Настоящая. Он видел, как она дышит, как моргает, как шевелит пальцами. От неё исходило тепло — странное, почти осязаемое тепло жизни, которого он был лишён.

И ещё — она была одна.

Девушка посидела немного, потом встала и пошла на кухню. Фредерик последовал за ней, стараясь держаться в тени (хотя, как он быстро понял, призракам тени не нужны — его всё равно никто не видит).

На кухне девушка открыла большой белый ящик и достала оттуда какие-то свёртки. Фредерик с интересом наблюдал, как она разогревает еду в другом ящике, который издавал тепло и тихо гудел. Потом она села за стол и начала есть, глядя в ту самую светящуюся коробочку, которую он видел в комнате.

Странные обычаи. У них дома во время трапезы полагалось смотреть на тех, с кем разделяешь еду, или в крайнем случае в окно. А она смотрела в коробочку и иногда водила по ней пальцем, и там что-то менялось.

Фредерик стоял в углу кухни и просто смотрел на неё.

Она была красива. Не той яркой, бросающейся в глаза красотой, которую он видел при дворе — наруганные дамы в пышных платьях, с высокими причёсками и жеманными улыбками. Нет, она была красива по-другому. Тихой,

усталой, настоящей красотой. Как цветок, который растёт в тени и всё равно тянется к свету.

Он смотрел, как она жуёт, как хмурится, глядя в коробочку, как поправляет выбившуюся прядь волос. И вдруг почувствовал что-то странное. Что-то, чему не мог подобрать названия.

Тоску.

Он тосковал по жизни. По теплу. По возможности просто сидеть за столом и есть хлеб, запивая его водой. По ощущению ветра на лице и травы под ногами.

А она всё это имела. И даже не ценила.

Девушка доела, вымыла посуду (Фредерик с интересом наблюдал, как из отверстия в стене течёт вода — ещё одно чудо этого мира) и ушла в комнату. Там она села за тот самый станок с холстом и начала рисовать.

Фредерик замер.

Он никогда не видел, как рождаются картины. У них дома художники работали в своих мастерских, куда посторонним вход был заказан. А тут он мог наблюдать всё таинство от начала до конца.

Девушка смешивала краски на дощечке, макала в них кисть и наносила на холст тонкие, почти невесомые мазки. Постепенно из хаоса цветов проступало лицо — то самое, с качелей. Оно становилось всё более живым, более тёплым.

Фредерик стоял за её спиной и смотрел, замороженный. Ему казалось, что он видит магию. Настоящую магию тво-

рения.

Иногда девушка останавливалась, откидывалась на спинку стула и долго смотрела на свою работу, склонив голову набок. Иногда она вставала, отходила на шаг, щурилась, возвращалась. Иногда она просто сидела и смотрела в окно, и тогда лицо её становилось таким грустным, что у Фредерика щемило в груди.

— Кто ты? — прошептал он. — Почему ты такая печальная?

Она, конечно, не слышала.

Прошли часы. Девушка рисовала почти не останавливаясь, только иногда пила воду из кружки. Свет за окном погас, стало темно. Она включила свет в комнате — тот самый, круглый, на потолке — и продолжала работать.

Фредерик устал. Он не знал, могут ли призраки уставать, но чувствовал странную опустошённость. Он отошёл в угол комнаты, сел на пол (опять провалился, поднялся, пристроился на краешке дивана — и на этот раз не провалился, смог удержаться) и просто смотрел на неё.

Наконец, далеко за полночь (Фредерик научился примерно определять время по тому, как темно за окном), девушка отложила кисти и поплелась в ванную. Фредерик деликатно отвернулся, когда она начала раздеваться — воспитание не позволяло подглядывать за дамой.

Потом она легла спать, и в комнате стало тихо.

Фредерик сидел на диване, глядя на спящую девушку.

При свете ночника он мог разглядеть черты её лица — ослабленные, чуть детские во сне. Она что-то бормотала, ворочалась, вздыхала.

И вдруг — резко села, распахнув глаза.

Фредерик замер. Неужели видит?

Она смотрела прямо на него.

Сердце (если у призраков есть сердце) пропустило удар. Фредерик вжался в спинку дивана, боясь шелохнуться. Девушка смотрела несколько секунд, потом вздохнула и легла обратно. Не видит. Просто почудилось спросонья.

Фредерик выдохнул.

И в этот момент его осенило.

Он здесь не просто так. Он привязан к этому месту. К этой квартире. К этой девушке. Но почему?

Он начал перебирать в памяти всё, что знал о призраках. В его мире о них ходили легенды. Говорили, что души умерших остаются среди живых, если у них есть незаконченное дело. Или если они были привязаны к какому-то месту при жизни. Или если их убили предательски, и они жаждут мести.

Но у Фредерика не было незаконченных дел в этом мире. Он вообще здесь никогда не был. Не мог быть. Это какое-то другое место, другая реальность, другой мир.

Тогда почему?

Может, дело в ней?

Он посмотрел на спящую девушку. Она что-то пробормо-

тала во сне и перевернулась на другой бок. Обычная. Живая. Ничем не примечательная на первый взгляд.

Но что-то в ней было. Что-то, что притянуло его сюда, сквозь границу миров. Что-то, что держало его в этой квартире, не давая уйти дальше порога.

— Кто ты? — снова спросил Фредерик шёпотом. — И что между нами?

Она не ответила.

Утро наступило внезапно. Свет за окном посветлел, зашумели повозки внизу, где-то за стеной заиграла музыка. Девушка проснулась, потянулась, встала и побрела на кухню.

Фредерик следовал за ней, как тень. Другого занятия у него всё равно не было.

День за днём он наблюдал за её жизнью. Узнал, что её зовут Лиза — услышал, как она разговаривала по той светящейся коробочке с кем-то, кого называла Настей. Узнал, что она художница — рисует картины на заказ. Узнал, что она одинока — к ней почти никто не приходил, кроме той самой Насти, да и та появлялась редко.

Он видел, как она работает, как ест (плохо, мало, нерегулярно), как смотрит в свою коробочку часами, как иногда плачет по ночам, уткнувшись лицом в подушку. И каждый раз, когда она плакала, Фредерик чувствовал острую, почти физическую боль. Ему хотелось подойти, обнять её, утешить. Но он не мог. Его руки проходили сквозь неё, как сквозь воздух.

Он пробовал с ней заговорить. Сто раз пробовал. Шептал её имя, говорил, что он здесь, что не надо бояться, что он друг. Но она не слышала. Голоса призраков недоступны живым — или она просто не умела слушать.

Тогда Фредерик начал двигать предметы.

Это было трудно. Требовало колоссального напряжения воли. Он концентрировался на маленькой вещи — карандаше, ластике, ключах — и пытался сдвинуть её с места. Получалось не сразу. Много попыток уходило впустоту. Но постепенно он научился.

Сначала просто передвигал предметы с места на место. Потом начал прятать их, чтобы привлечь внимание. Потом — возвращать на видное место.

Он видел, как Лиза удивляется, пугается, ищет пропажи. Видел, как она разговаривает сама с собой, пытаясь найти объяснение. Видел, как она начала вести дневник — он заглядывал в него, когда она выходила, и читал её записи.

Она думала, что сходит с ума. Бедная девочка. Если бы она только знала, что это он, Фредерик, просто пытается достучаться до неё.

Он хотел сказать ей: «Я здесь. Я есть. Я не причиню вреда». Но не мог.

А потом случилось то, чего он совсем не ожидал.

В одну из ночей, когда Лиза крепко спала, Фредерик сидел на подоконнике и смотрел на звёзды (здесь их почти не было видно из-за яркого света города). И вдруг почувствовал, что

его тянет к ней. Буквально тянет, как магнитом.

Он обернулся.

Лиза спала на диване, раскинув руки, чуть приоткрыв губы. И от неё исходило сияние. Тонкое, едва заметное, золотистое. Фредерик никогда не видел такого раньше.

Он подошёл ближе. Сияние становилось ярче. Оно исходило из её груди, из области сердца, и пульсировало в такт дыханию.

— Что это? — прошептал Фредерик.

Он протянул руку, чтобы коснуться этого света, и вдруг понял, что может это сделать. Его пальцы не прошли сквозь сияние, а погрузились в него, и Фредерик почувствовал тепло. Настоящее, живое тепло, которого был лишён с момента смерти.

Он отдернул руку, испугавшись. Но сияние не исчезло. Оно горело ровно и спокойно, как маленькое солнце внутри этой хрупкой девушки.

— Ты особенная, — понял Фредерик. — Ты не просто человек. В тебе есть что-то... что-то другое.

Может, поэтому он привязан к ней? Может, её свет притянул его душу, как маяк притягивает корабли?

Он не знал. Но решил, что будет пытаться достучаться до неё, пока не получится.

Прошли дни. Фредерик учился управлять своим состоянием. Понял, что может становиться видимым в отражениях, если очень сосредоточится. Понял, что может шептать,

и иногда, на грани сна, Лиза его слышит. Понял, что может влиять на её сны.

И в одну из ночей он решился.

Лиза сидела на кухне, было темно (свет почему-то не горел), и Фредерик собрал всю свою волю, чтобы проявиться в отражении окна.

Это было трудно. Невероятно трудно. Ему казалось, что он выворачивает себя наизнанку, выдавливает своё присутствие в этот мир сквозь игольное ушко. Но он справился.

Она увидела его.

Фредерик смотрел на неё из чёрного стекла и видел, как расширяются её глаза, как бледнеет лицо, как дрожат губы. Она испугалась. Он хотел сказать: «Не бойся», но не мог — голос не шёл. Он хотел улыбнуться, но лицо не слушалось.

А потом силы кончились. Он исчез, провалился обратно в свою невидимость, и долго лежал на полу в комнате, пытаясь восстановить дыхание.

Но она его видела. Теперь она знает, что он существует.

На следующую ночь он попробовал снова. И снова она его увидела. А потом он попытался войти в её сон — и у него получилось. Они встретились там, в этом странном пространстве между явью и сном. Фредерик коснулся её лица — и она почувствовала.

А когда проснулась, прошептала его имя.

Фредерик.

Он не знал, откуда она его взяла. Может, прочитала в его

мыслях. Может, почувствовала. Может, это сам воздух этого мира прошептал ей.

Но теперь у него есть имя. Теперь она знает, как к нему обращаться.

И теперь он не один.

Фредерик сидел в углу комнаты, глядя, как Лиза спит, и впервые за долгое время чувствовал что-то похожее на покой. Он не знал, почему оказался здесь. Не знал, как вернуться домой или как обрести покой. Но знал одно: эта девушка — его связь с миром живых. Его единственная надежда.

И он сделает всё, чтобы она не отвернулась от него.

Даже если для этого придётся научиться говорить по-настоящему. Даже если придётся рассказать ей всё — про битву, про смерть, про свой мир. Даже если она испугается и прогонит его.

Он рискнёт.

Потому что другого шанса у него нет.

Глава 5

Лиза проснулась с ощущением, что ночью случилось что-то важное.

Она села на диване, потёрла лицо ладонями и попыталась поймать ускользающее воспоминание. Сон? Не сон? Отражение в окне, кивок, имя...

— Фредерик, — произнесла она вслух.

Имя прозвучало в утренней тишине квартиры непривычно, чужеродно. Слишком старомодное, слишком красивое для этого серого утра, для этой обычной квартиры в панельной девятиэтажке.

Лиза встала, подошла к окну. За стеклом моросил дождь, соседний дом уныло серел в утренней дымке. Никаких отражений, никаких призраков. Обычное утро обычного человека, у которого вчера, кажется, случился разрыв шаблона.

Она сходила на кухню, сварила кофе, сделала бутерброд. Вернулась в комнату, села за стол и уставилась на блокнот. Открыла на последней записи.

«Он вернулся. В отражении окна. Кивнул, когда я назвала его имя. Пытался что-то сказать, но соседи спугнули. Он реален. Он существует. И он знает, что я его вижу».

— Итак, — сказала Лиза вслух, отхлёбывая кофе. — Допустим, я не сошла с ума. Допустим, в моей квартире живёт призрак. Мужчина по имени Фредерик, в старомодной

одежде, который не помнит, как сюда попал, и, кажется, сам напуган не меньше моего.

Она замолчала, прислушиваясь к своим ощущениям. Страх не было. Совсем. Вместо него — странное, почти детское любопытство и какое-то тёплое чувство в груди.

— Что мне теперь с этим делать? — спросила Лиза у пустоты. — Как себя вести? Игнорировать? Бояться? Вызвать батюшку?

Она отставила кружку и задумалась. Настя вчера предлагала поговорить с ним. Просто поговорить, как с невидимым соседом. Может, в этом есть смысл? В конце концов, хуже не будет. А если он действительно пытается привлечь её внимание, значит, ему что-то нужно.

— Ладно, — решила Лиза. — Попробуем.

Она откашлялась, поправила волосы (будто призраку важно, как она выглядит) и сказала в пространство:

— Привет. Я знаю, что ты здесь. Я видела тебя в отражении. И во сне. Если ты меня слышишь, дай знак. Пошевели чем-нибудь. Пожалуйста.

Тишина.

Лиза ждала, затаив дыхание. Секунда, десять, тридцать. Ничего.

— Ну давай, — прошептала она. — Я не кусаюсь. Честно.

И вдруг на столе, рядом с её кружкой, дрогнула салфетка. Совсем чуть-чуть, будто от сквозняка. Но окна были закрыты, форточка заткнута.

— Ого, — выдохнула Лиза. — Ещё раз?

Салфетка приподнялась краем и опустилась обратно.

У Лизы перехватило дыхание. Он здесь. Он слышит. Он отвечает.

— Здорово, — сказала она, чувствуя, как на губах сама собой появляется улыбка. — Спасибо, что откликнулся. Я Лиза. Ты, кажется, Фредерик? Я не ошиблась?

Салфетка дрогнула два раза подряд. Как кивок.

— Точно, — кивнула Лиза в ответ. — Очень приятно познакомиться, Фредерик. Хотя обстоятельства странные, конечно.

Она отхлебнула кофе и задумалась. Что дальше? Как общаться с тем, кого не видишь и не слышишь? Только через движение предметов?

— Слушай, — сказала она. — Я художница. Работаю дома. Если мы будем жить вместе, нам нужно как-то договариваться. Ты не против, если я буду с тобой разговаривать? А ты будешь отвечать вот так — движением?

Салфетка снова дрогнула.

— Отлично. Тогда договорились.

Лиза допила кофе и посмотрела на часы. Начало одиннадцатого. Впереди целый день, и впервые за долгое время ей не хотелось просто переждать его до вечера. Ей хотелось... общаться.

— Слушай, — сказала она, — я сегодня собиралась работать. У меня заказ — обложка для фэнтезийного романа.

Там замки, драконы, всякое такое. Если хочешь, можем работать вместе. Я буду рисовать, а ты — наблюдать. Или двигать салфетку, если что-то понравится.

Она встала, подошла к мольберту и взяла в руки карандаш. На новом холсте уже был сделан лёгкий набросок — очертания замка на скале, дракон в небе, фигурка рыцаря на переднем плане.

— Ну что, начнём? — спросила Лиза.

В ответ салфетка на столе приподнялась и опустилась.

Лиза улыбнулась и принялась за работу.

Она рисовала и разговаривала. Сначала просто комментировала свои действия, объясняла, что и зачем делает. Потом начала спрашивать мнение.

— Как тебе такой контур замка? — она обводила карандашом башни. — Или лучше сделать повыше? Как в твоём мире строят?

Салфетка дрогнула один раз. Лиза решила, что это значит «да» или «хорошо». Хотя, может, он просто соглашается из вежливости.

— А дракона какого цвета сделать? Красного, как огонь, или зелёного, под цвет леса?

Салфетка дрогнула два раза. Потом ещё два. Лиза засмеялась:

— Не можешь выбрать? Я тебя понимаю. Ладно, сделаю золотого. Благородно и красиво.

К обеду она проголодалась и пошла на кухню готовить. По дороге обернулась и сказала в пространство:

— Ты со мной? Или останешься здесь?

Салфетка на столе дрогнула — мол, иду.

Лиза улыбнулась и пошла на кухню, чувствуя спиной (или воображением?) чьё-то присутствие. На кухне она включила воду, поставила чайник и достала из холодильника продукты.

— Слушай, Фредерик, — сказала она, нарезаая овощи для салата. — А ты вообще еду чувствуешь? Запахи там, вкусы?

Тишина. Потом ложка, лежащая на столе, чуть сдвинулась.

— Не чувствуешь? — догадалась Лиза. — Жаль. Я бы тебя угостила. Хотя чем угощать призрака — свечкой, что ли?

Она засмеялась своей шутке и продолжила готовить.

За обедом она включила музыку на телефоне. Играло что-то спокойное, инструментальное — саундтреки к фильмам, которые она любила слушать во время работы.

— Тебе нравится? — спросила Лиза. — Это музыка из нашего мира. У нас много разной музыки. Если хочешь, потом включу что-нибудь другое.

В ответ занавеска на окне чуть колыхнулась. Лиза поняла это как «да» и довольно кивнула.

Так прошёл день. Лиза работала, разговаривала с невидимым соседом, включала музыку, показывала ему книги с иллюстрациями. Она раскладывала на столе книги и листала

их, а Фредерик «отвечал» движением предметов. Особенно его заинтересовали книги по истории костюма — когда Лиза открыла страницу с изображением средневековых рыцарей, карандаш на столе несколько раз подпрыгнул.

— Это похоже на твою одежду? — спросила Лиза. — У вас так носили?

Карандаш дрогнул утвердительно.

— А это? — Лиза перевернула страницу с изображением более поздних костюмов, семнадцатый век.

Карандаш не шелохнулся. Лиза полистала дальше — восемнадцатый век, пышные платья и камзолы с кружевами. Карандаш снова дрогнул.

— Значит, что-то среднее, — сделала вывод Лиза. — Не рыцарские доспехи, но и не рококо. Понятно.

К вечеру она устала, но это была приятная усталость. Впервые за долгое время день пролетел незаметно, и на душе было тепло и спокойно. Она включила чай и устроилась на диване с книгой.

— Фредерик, — сказала она, — ты здесь?

Салфетка на столе дрогнула.

— Слушай, мне неудобно называть тебя просто «ты». Мы вроде как познакомились, но как к тебе обращаться? Фредерик — это красиво, но длинновато. Можно, я буду звать тебя Фред? Или Рик?

Тишина.

— Или, может, Призрак? — усмехнулась Лиза. — По-

свойски так. Эй, Призрак, подай салфетку. Хотя ты и так можешь, ты ж невидимый.

Она засмеялась, представив эту картину.

И вдруг в её голове раздался голос.

Чёткий, ясный, мужской. С лёгким, едва уловимым акцентом — или, может, просто старомодным выговором.

— Меня зовут Фредерик.

Лиза вздрогнула так сильно, что книга выпала из рук. Она вскочила с дивана, дико озираясь по сторонам.

— Что? Кто? Ты?

Салфетка на столе взлетела и опустилась несколько раз подряд — будто кто-то кивал с огромным энтузиазмом.

— Ты можешь говорить? — выдохнула Лиза. — В смысле, я слышу тебя?

— Ты слышишь, — раздалось в голове. Голос был спокойным, но в нём чувствовалась обида. — И я не Призрак. У меня есть имя.

Лиза опустилась обратно на диван, не в силах стоять. Ноги подкашивались.

— Охренеть, — сказала она. — Извини за выражение. Просто... охренеть. Ты говоришь. Прямо в голове.

— Я не знаю, как это получается, — голос звучал теперь чуть растерянно. — Я пытался раньше, но не мог. А сейчас... когда ты назвала меня Призраком... я вдруг почувствовал, что могу.

Лиза хихикнула. Нервно, на грани истерики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.